

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Казахстан, 010000, Астана, ул. Сагпаева, 2
zharkyn.sh.k@gmail.com

Чернявская Валерия Евгеньевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
tcherniavskaia@rambler.ru

**Казахско-русское смешение кода:
метакоммуникативная перспектива***

Для цитирования: Жаркынбекова Ш. К., Чернявская В. Е. Казахско-русское смешение кода: метакоммуникативная перспектива. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (4): 780–798.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.408>

Анализируется смешение языкового кода в условиях этнического билингвизма в Казахстане. Исследовательский вопрос связан с изучением метакоммуникативного, рефлексивного аспектов речевой деятельности, показывающим, насколько осознанно и целенаправленно происходит смешение кода носителями казахского и русского языков. Теоретический контекст анализа задан разработками в социолингвистике и дискурсивном анализе. Статья анализирует новые задачи и исследовательские приоритеты социолингвистики и представляет объяснительный подход к практике смешения кода в условиях казахско-русского билингвизма. В качестве основного исследовательского инструмента использовалось анкетирование. Разработана структура анкеты для опроса респондентов, учитывающая как количественные, так и качественные параметры в соответствии с современными методологическими приоритетами социолингвистики. Проведенный анализ показывает, что казахское и русское смешение языка не находится в однозначной связи с (не)высоким образовательным уровнем, не попадает в негативно-оценочный контекст как девиантная практика. Показывается, что смешение казахского и русского языков становится особым средством обращенности на участника коммуникативного акта и поддержания коммуникации.

Ключевые слова: казахско-русский билингвизм, русско-казахский билингвизм, социолингвистика третьей волны, смешение кода, метакоммуникация.

Постановка проблемы

Изучение речевого поведения в ситуации билингвизма является традиционным объектом социолингвистики и одновременно ее наиболее динамичным участком, кристаллизующим актуальные социально значимые процессы. Билингвизм

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта МОН РК AP14869030 «Механизмы формирования коллективной идентичности казахстанской молодежи: социолингвистический и дискурсивный подходы».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

в современном Казахстане является точкой стыковки нескольких исследовательских направлений: социалингвистики, лингвистической антропологии, этнометодологии, дискурсивного анализа. Одновременно билингвизм создает особый исследовательский ракурс в изучении гибридной языковой практики. В социалингвистике и лингвистической антропологии это обсуждается с опорой на два понятия: «переключение кода» и «смешение кода», — характеризующие спонтанный переход от одного языка на другой внутри высказывания или внутри словосочетания. Прослеживается исследовательская тенденция обозначать термином «переключение кода» (code switching) интерсентенциональный переход между двумя (и более) лингвистическими вариативностями, литературной нормой и социолектом или же с одного языка на другой [Jacobson 1998; Woolard 2004; Акынова et al. 2014]. «Смешение кода» (code-mixing) обозначает интрасентенциональный переход, то есть альтернативное использование внутри устного или письменного высказывания, построенного в соответствии с правилами одного языка, средств другого языка или социолекта [Muysken 2000; Но, Woon 2007]. Переключение кода рассматривают как гипероним, понятие, включающее в себя смешение кода. Для обозначения этих явлений используется также термин «гибридная языковая практика» (hybrid language practice), см., напр.: [Martinez 2013]. Смешение обуславливается множеством факторов и коммуникативных стратегий. Как центральные принимаются во внимание социальные, психологические, прагматические факторы, уровень языковой компетенции говорящего, специфика билингвальной практики в обществе [Мусин 1990; Сулейменова и др. 2007; Сулейменова 2010; Саина 2000].

Определяющей характеристикой языковой ситуации в Казахстане является этническое двуязычие, порожденное исторически сложившимся полинациональным составом Республики Казахстан. Возникновение казахско-русского двуязычия в этой стране не обусловлено миграционными процессами в XX в. или мобильностью в конце XX — начале XXI в. Взаимодействие двух языков исчисляется сотнями лет, в течение которых происходило их интенсивное взаимовлияние, обусловленное культурно-историческими, политическими, социально-демографическими, географическими, экономическими и собственно лингвистическими факторами. На территории Казахстана проживает большое количество национальностей и этносов, основным языком межнационального общения которых является русский язык, которым владеет подавляющее большинство населения. Несомненно, что со временем под влиянием многих процессов происходят изменения в общей этноязыковой картине, идет дальнейшее функциональное перераспределение удельного веса языков в казахстанском коммуникативном пространстве. При этом языковая ситуация остается «четко центрированной вокруг казахского и русского языков, владение которыми является необходимым условием осуществления интеграционных процессов в стране, а также экономической межгосударственной интеграции Казахстана и России» [Сулейменова 2010: 27]. В последние годы идут значительные и очевидные диверсификационные процессы использования русского языка и одновременно казахизации как нарастающего использования казахского языка в современном Казахстане. Языковое и культурное своеобразие создается, поддерживается и транслируется «казахами-монолингвами, перенесшими языковой сдвиг в сторону русского языка (РЯ), казахами-билингвами с доминирующим РЯ, казахами-билингвами с периферийным РЯ, но по-прежнему погруженными в сти-

хию казахской культуры, традиций, обычаев и достаточно уверенно чувствующими себя в казахстанском обществе» [Сулейменова и др. 2021: 16].

Применительно к языковой ситуации в Казахстане проблемы взаимодействия языков и их альтернативного использования в общении изучались многие десятилетия в том числе в связи с формированием двуязычной личности в зависимости от различных экстралингвистических факторов. В ранних исследованиях, напр.: [Мусин 1990], названы около 50 социальных факторов и причин, влияющих на выбор языка у билингва, среди них: форма национально-государственного устройства; культура и языковые традиции этноса; изменение социальной ситуации; социальная дифференциация функционирования двух языков; распределение предметных сфер общения между ними; цель коммуникативного акта; обстановка, время и место речевого акта; демографический фактор: пол, возраст участников коммуникативного акта; социально-классовая принадлежность родителей; социальный статус / положение в обществе; место проживания / тип поселения; участие в общественной жизни в условиях билингвального социума; смена социальной роли языковой личности; воспитание в двуязычной среде, в частности смешанные браки; фактор этнического самосознания; правила речевого этикета. В последующем происходила дифференциация и детализация социокультурных условий, влияющих на проявления двуязычия. Основной тенденцией оставался объяснительный подход, связывающий двуязычие с зафиксированными социальными категориями и ролями. По мнению С. Т. Саиной, билингвы используют такой вариант языкового поведения, который коррелирует с социально-демографическими признаками — возрастом, образованием, социальным положением и т. д. — и языковыми потенциальными собеседника [Саина 2000]. Переключение кода с казахского на русский и с русского на казахский язык рассматривалось в основном в проекции заимствований, языковой интерференции, интер-/транскаляции. Г. С. Суюнова, рассматривая устное речевое поведение казахов-билингвов, отмечает, что переключение кодов должно рассматриваться в связи с типом двуязычия, что, в свою очередь, предполагает учет уровня владения языком. Чем ниже этот уровень, тем чаще и больше переключение кодов будет результатом стремления билингва перейти на язык, которым он владеет лучше, с целью преодоления языкового дискомфорта. По мере возрастания уровня владения языком эта причина будет оказываться все менее существенной и на первый план могут выходить другие факторы — ситуативные, социальные, демографические. Факторы переключения кодов связываются с социально-демографическими характеристиками коммуникантов [Суюнова 1995].

Кодовое переключение как особая исследовательская проблема получает сегодня новые грани в связи с актуальной дискуссией о диверсификации русского языка в Казахстане и формировании казахского/казахстанского варианта русского языка [Сулейменова и др. 2021]. Последнее понятие описывается в разных терминах: плюрицентрический язык, плюрицентричный вариант языка, местный, региональный, локальный вариант. Э. Д. Сулейменова использует термин «казахстанский русский язык» (КРЯ) и называет в качестве показательной характеристики его «герметичность, непонятность» для живущих вне Казахстана носителей русского языка. Характерной иллюстрацией служат приводимые исследователем примеры газетного текста:

...аренда шестиканатной юрты обойдется в 30 000 тенге, а восьмиканатной в 40 000 тенге; ...добавьте к этому дополнительные материалы — арканы, кошмы, баскуры и еще кииз, тускииз, текемет, сырмак, сандык, тосекагаиш, сырмак из кошмы, баскур из тканой узорной ленты, токыма на кошомной основе, вышитый шелковыми нитями, бостек с ою-орнек, бесик из натурального дерева [Сулейменова и др. 2021: 12];

Мы готовы байговать на автоквесте «Байға», отзываясь на энергичные призывы «Байғуй вместе с Beeline!» [Сулейменова и др. 2021: 20].

Эти высказывания понятны большинству казахстанцев, в особенности билингвам-казахам, но останутся «герметичными» для других. Для русского языка в Казахстане характерна не только социолингвистическая специфика функционального использования, но и лексико-семантические, грамматические, фонетические, стилистические особенности казахских заимствований, грамматическое оформление казахских слов в русской речи, особое орфографическое представление казахизмов в русском тексте.

В предлагаемом исследовании задается особый ракурс в изучении этнического билингвизма и гибридной речевой практики. Мы хотим показать, что смешение языкового кода в условиях билингвизма может получать инструментальную функцию и становится ресурсом для достижения коммуникативного взаимодействия и понимания. **Исследовательский вопрос** в рамках проведенного анализа ставится так: насколько осознанно и целенаправленно делается выбор языковых форм в казахско-русском и русско-казахском этническом билингвизме? Как переход от одного языка к другому оценивается участниками коммуникации? Существующие разработки казахско-русского билингвизма не отвечают детально на поставленный таким образом вопрос. В такой проекции анализ связан с изучением метакоммуникативного, рефлексивного аспекта речевой деятельности в условиях двуязычия. Под метакоммуникацией здесь понимается обращенность человека на эффекты использования языка в дискурсе. Основная функция метакоммуникации проявляется в регулировании процесса понимания. Выдвижение рефлексии в фокус внимания создает здесь новую перспективу.

В качестве рабочего определения для операционального анализа мы принимаем понятие «смешение кода», подразумевая, что однозначное и непротиворечивое терминологическое разделение понятий «смешение» и «переключение» кода труднодостижимо. Смешение кода в представленном выше определении понимается как использование средств одного языка внутри предложения/высказывания, построенного по правилам другого языка. Использование одной лексемы из другого языка внутри предложения (интеркаляция, в иной терминологии) также может рассматриваться как тип смешения кода. С опорой на это понятие исследователи также определяют такие ситуации, когда лексемы одного языка приобретают морфологические показатели другого языка (*хабарить, красафчиктер*) [Хилханова, Папинова 2018]. В дальнейшем подобные примеры будут прокомментированы детальнее.

Методология и процедура исследования

Теоретический контекст анализа задан разработками в казахстанской лингвистике, социолингвистике (А. Е. Карлинский, М. М. Копыленко, Б. Х. Хасанов, З. К. Ахметжанова, М. К. Исаев, Э. Д. Сулейменова, С. Т. Саина, Д. Д. Шайбакова, Г. С. Суюнова, А. К. Жукенова, А. Р. Жикеева) и учитывает исследовательские концепции в социолингвистике 2005–2022 гг. в том ее исследовательском ракурсе, который определяется как социолингвистика «третьей волны» (П. Экерт, А. Белл, Я. Бломмарт и др.). В качестве основного исследовательского инструмента использовалось анкетирование. Была разработана структура анкеты для опроса респондентов, учитывающая как количественные, так и качественные параметры в соответствии с современными методологическими приоритетами социолингвистики. Анкета включает открытые и полуоткрытые вопросы, содержащие варианты ответа и дающие возможность дать свой ответ. Анкета состоит из двух блоков вопросов, первый из которых направлен на выявление социальных характеристик информантов (этническая принадлежность, образование, география проживания, возраст, социальный статус) и собственно языковых характеристик (степень владения языками), второй блок ориентирован на анализ смешанного использования казахского и русского языков в различных коммуникативных ситуациях.

Анализ построен таким образом, что, во-первых, характеризуются новые задачи и исследовательские приоритеты социолингвистики, в том числе применительно к изучению би/полиязыковой личности, использующей язык в коммуникации, и, во-вторых, представляется объяснительный подход к практике смешения кода в условиях казахско-русского билингвизма. Показывается, что смешение кода носителями казахского и русского языков становится особым средством обращенности на участника коммуникативного акта и поддержания коммуникации.

Социолингвистика «третьей волны»: новые задачи и методологические приоритеты

Социолингвистика имеет своим предметом языковую вариативность и изучает, как языковое разнообразие может быть связано с социальной дифференциацией. Это утверждение является базовой составляющей во всех учебниках и вводных курсах по социолингвистике. Приращение и новый шаг вперед по сравнению со сложившимися представлениями дают исследования начиная с 1990-х гг., называемые в международном пространстве социолингвистикой третьей волны (*sociolinguistics third wave*). Эта дифференциация используется в современных исследованиях в американских и западно-европейских школах социолингвистики вслед за периодизацией, предложенной ведущим американским социолингвистом П. Экерт [Eckert 2018]. Первая волна (1960–1970-е гг.) в аналитических подходах социолингвистики развивалась как вариационный анализ. Исследования этого периода обращались к эмпирическому материалу и количественному анализу лингвистической вариативности в связи с основными социальными (макросоциальными) категориями: социальный класс, социальный статус, возраст, гендер, этническая принадлежность. Социолингвистика «второй волны» (исследования середины 1970–1980-х гг.) показала переход от макросоциальных категорий к языковой вариативности в ло-

кальных языковых сообществах региона, города (диалекты, урбанолекты), в еще меньших масштабах — на уровне социальной институции, в малых социальных группах — семьях и т. п. Исследования включали этнографические методы анализа связей между лингвистическими и социальными признаками. Разработки первой и второй волн выдвинули новые задачи в изучении языковой вариативности как инструмента, активно используемого человеком для выражения и конструирования социального мира. Социолингвистика «третьей волны» изучает отражение социальной идентичности лингвистическими и, в широком охвате, семиотическими ресурсами. Новые исследования в рамках социолингвистики «третьей волны» тесно соприкасаются с дискурсивным анализом и лингвистической антропологией [Coupland, Jaworski 2009; Bell 2016; Blommaert, de Fina 2017] и связывают языковую вариативность с идентификацией и самопрезентацией человека / группы лиц по социальному статусу, гендеру, культурной, этнической принадлежности и т. д. В фокус исследовательского интереса выдвигается динамика выражения идентичности во взаимодействии с другими и рефлексия участника коммуникативного акта в связи с выбором языкового средства.

Существенно, что новые данные особенно затронули разработки в области этнической идентичности (*ethnic identity*) и поли-/бикультурной идентичности человека, который сформирован в пространстве более чем одной культуры, ср.: *bicultural or multicultural identities* [Berry 2005; Fons van de Vijver et al. 2015: 36]. Исследователи указывают на многообразие тех форм, которые поли- или бикультурные личности выбирают, чтобы выражать свою идентичность и свое представление о том, в какой мере их две идентичности интегрированы и накладываются друг на друга в повседневной деятельности и общении. Есть разные формы самоидентификации и самопрезентации человека / группы лиц в ситуации культурного многообразия. Исследовательские вопросы ставятся в такой проекции: что в конкретном коммуникативном акте во взаимодействии с этим партнером выходит на первый план, например «здесь и сейчас я говорю как начальник или как коллега? как этнический казах или как казах в полиэтническом государстве?» или другое? Обзор подходов и детальной библиографии см.: [Молодыхенко, Чернявская 2022; Чернявская 2021; Zharkynbekova 2015].

Новая методология и новые исследовательские задачи социолингвистики переосмысливают традиционные социолингвистические инструменты и дизайн методик и процедур анализа. Новое связано с большей ориентацией на качественные характеристики по сравнению с количественными параметрами. В типе исследовательских вопросов при анкетировании, интервьюировании из проекции «где? когда?» вопросы перемещаются в проекцию «почему? как?». В традиционных методиках выводы делаются на основе большого объема данных, создающих статистическую достоверность. В качественно ориентированных разработках анализируются небольшие объемы данных (микроданные), включая отдельные уникальные кейсы. На предшествующих этапах целью анализа задавалось подтверждение исследовательской гипотезы, значимость выводов определяла широта обобщений. На новом этапе в центр внимания помещается изучение ситуации, в которой люди взаимодействуют, используя язык. Выводы опираются на контекстуализацию и ее глубину и детализацию в объяснении. Это не означает, однако, что количественная методика определяется как «устаревшая» или недостаточно теоретически подтвержден-

ная, а качественные методы ассоциируются с принципиально новым результатом. Такого разграничения и приоритета методик нет, см. в этой связи точку зрения [Coupland, Jaworski 2009: 19]. Следует исходить из динамичного баланса методов и интерпретации.

Этнический билингвизм в Казахстане: основные направления изучения

Билингвизм понимается как владение родным языком и языком другого народа на уровне, достаточном для коммуникации с представителями этого народа. Для осмысления этнического двуязычия в Казахстане существенное значение имеет ряд ключевых понятий социолингвистики. Во-первых, разделение координативного и субординативного типов билингвизма, восходящее к разработкам Л. В. Щербы. В ситуации координативного, или «чистого», билингвизма человек владеет языками свободно в равной мере. В речевой деятельности на одном из двух языков не возникает существенной языковой интерференции и ошибок. Можно говорить о сосуществовании двух языковых кодов. Это описывается в терминах «первый язык» Я1 и «второй язык» Я2. Первым языком считается тот, в котором языковая компетенция билингва выше. Это может быть язык, усвоенный первым, или более значимый функционально. Второй язык определяется как тот, при использовании которого билингв проявляет более низкую коммуникативную компетенцию.

При субординативном типе билингвизма человек владеет одним языком лучше, чем другим. В речи это наблюдаемо в том числе через переключение с одного языка на другой и их смешение, что может порождать интерферентные языковые ошибки под влиянием Я1 на Я2 [Мирзоева, Ахметжанова 2019: 46]. В Казахстане преобладает именно субординативный билингвизм. Его специфика раскрывается также с опорой на понятие «доминирующий язык». Доминирующий язык — это один из языков, используемый с максимальной функциональной нагрузкой в большинстве коммуникативных сфер, в профессиональной деятельности, образовании. Доминирующий язык не идентичен понятию родной язык, может совпадать или не совпадать с ним, часто выступает как язык межнационального общения. Это наблюдаемо в современном Казахстане. В качестве доминирующего используется неродной язык, в Казахстане это русский, что прослеживается у этнических казахов, проживающих в регионе с преобладанием русскоязычного населения. В южных и западных регионах республики Казахстан наблюдается билингвизм с доминированием казахского языка [Мирзоева, Ахметжанова 2019: 47].

Для характеристики второго языка у билингва значима практика его освоения, а именно естественный или искусственный билингвизм. Естественный билингвизм формируется в живой языковой среде, в естественных контактах с носителями языка. Язык усваивается внутри культуры. При искусственном билингвизме усвоение второго языка происходит и без погружения в языковую среду, в процессе образования как целенаправленное формирование продуктивных компетенций.

Разделяют массовый, групповой и индивидуальный типы билингвизма. В Казахстане представлен массовый казахско-русский и национально-русский билингвизм. «Своеобразие языковой ситуации Казахстана создается не столько тотальной и пестрой языковой многоголосицей, сколько со-функционированием в едином

коммуникативном пространстве двух демографически и коммуникативно мощных языков-партнеров — казахского и русского», — констатирует авторитетный казахстанский исследователь Э. Д. Сулейменова [Сулейменова и др. 2007: 14]. Вследствие языковой политики государства в Казахстане в последние 20–25 лет начинает формироваться билингвизм с доминантой казахского языка как государственного и усиливается тенденция к изучению казахского языка как неродного. В результате наблюдается динамика перехода индивидуального русско-казахского билингвизма в групповой русско-казахский билингвизм. Казахско-русский билингвизм формировался долгое время и является в настоящий период активным. Русско-казахский билингвизм находится в процессе формирования и может быть определен как пассивный билингвизм.

Гибридная практика: объяснительные подходы

Для казахско-русской гибридной практики характерно образование гибридных слов, в которых корень слова из казахского языка соединяется с русскими аффиксами или флексией. Например: *хабарить* — общаться (казах. слово *хабар* ‘сообщение, новость’), *асарить* — помогать (казах. слово *асар* ‘помощь’); *джунгарить* — беспредельничать (казах. слово *жунгар* ‘воин’); *рахатить* — получать удовольствие (от казах. *рахат* ‘удовольствие, прекрасно’); *ойбаюшки* (от казах. слова *ойбай*, означающего удивление). Одновременно наблюдается другое: к корневым морфемам русского языка присоединяются казахские аффиксы, например: *универге барасың ба?* ‘ты пойдешь в столовую?’; *хорошо, если что, званда* ‘хорошо, если что, звони’ — здесь к русскому корню *звон* присоединяется казахский глаголообразующий суффикс *-да*; *мешать етпе* ‘не мешай’.

Казахские аффиксы могут добавляться к корневым морфемам русского языка в разговорной речи, в ситуации непринужденного неформального общения, поскольку гибридные формы заменяют сложные казахские слова. Это рассматривается в том числе как явление, показательное для молодежного социолекта, для которого характерна стилизация под русские слова, типичные в русскоязычной (российской) молодежной среде, например: *красавчиктер* (*красафчиктер*) — *красавчики*. Здесь *-тер* — казахский суффикс, обозначающий множественное число. По аналогии — *перваштар* — *первый курс, новички*.

Распространено смешение кода как вкрапление, линейное сочетание лексемы одного языка внутри высказывания на другом языке. В казахско-русском билингвизме именно эта форма смешения кода стала активной и практикуемой. Это типично для фатической коммуникации, в ситуациях приветствия и прощания, поддержания диалога, реакции на партнера. Например:

Как дела, қалайсың? — Да всё жаксы, сам как? (жаксы — от казах. слова жақсы ‘хорошо’).

Как жизнь? — Да так, идет, анау-мынау (аналу-мынау ‘то да се’).

Досыңды поздравить еттің ба? (“Ты поздравил друга?”) — Мне вообще бәрібір (‘Мне вообще безразлично’);

Я тебе говорю, бармайсын! Отыр үйде (‘тихо, успокойся’ — при обращении родителей к детям).

В подобных ситуациях смешение кода, очевидно, действует как контактоустанавливающий сигнал, который подчеркивает адресованность коммуникации, поддержание диалогичности с партнером.

Сулейменова оценивает подобные явления как типичные признаки национального варианта русского языка в Казахстане и, со ссылкой на исследования Е. А. Журавлевой, указывает характерные языковые единицы, подвергающиеся гибридизации: регионализмы, не имеющие эквивалентов в русском языке (тюркизмы) и имеющие эквиваленты (тюркизмы и лексика, построенная по моделям русского языка, но отражающая актуальные реалии Казахстана), а также прецедентные имена, соотнесенные с казахстанскими культурными реалиями и понятные для казахстанцев [Сулейменова и др. 2021: 14]. Фактически можно говорить о более свободном отношении к норме и постепенном формировании новых лексических парадигм и словообразовательных моделей. Происходящие процессы двусторонние, сегодня отчетливо выраженной становится тенденция проникновения казахских языковых единиц в русскую речь, устную и письменную. Они перестают быть экзотизмами.

В объяснении перехода с казахского на русский и с русского на казахский язык в ситуациях общения исследователи указывают среди прочего как на значимый фактор на недостаточное владение казахским языком и в целом на недостаточный уровень языковой компетенции человека. Явление гибридной речи рассматривается в проекции интерферентных ошибок в условиях субординативного полиязычия. В исследовании [Мирзоева, Ахметжанова 2019] описываются четыре типа ошибок: фонетические (произносительные) ошибки; ошибки в употреблении и сочетаемости слов; ошибки в структуре слов, в использовании грамматических категорий; ошибки в построении предложений. В таком ряду вместе рассматриваются и явления переключения кода и ошибки в использовании рода и падежа русского языка под влиянием казахского языка как тюркского языка, такие как *Я пригласил Вас поговорить по поводу одной делы* ('одного дела'). К числу типичных интерферентных ошибок в речи тех, кто позиционирует себя как носитель казахского языка, и в речи носителей русского языка, проживающих в Республике Казахстан, авторы относят использование структуры вопросительного предложения, характерной для казахского языка. Нормативная структура *В каком университете Вы учитесь?* трансформируется в *Вы в каком университете учитесь?* под влиянием структуры вопросительного предложения, присущей казахскому языку: *Сіз қай университетіңде оқисыз?* Одновременно как проявление интерференционных ошибок рассматривается сочетаемость корневой морфемы слова из казахского языка и аффикса из русского, подобно примерам, приведенным выше, а также линейная сочетаемость слов из двух языков, например ситуация при покупке билетов на поезд: *Маған нижняя полка керек* 'Нужна нижняя полка' [Мирзоева, Ахметжанова 2019: 53]. Ошибки или «отклонения в процессе коммуникации» объясняются отсутствием у казахов-билингвов постоянной практики общения на русском языке. В приведенном исследовании ошибки оцениваются с точки зрения того, какие из них наиболее/наименее препятствуют пониманию устной речи по мнению респондентов с доминирующим казахским или русским языком. Делается акцент именно на ошибках: «...безусловно, изучение ошибок интерферентного характера, являющихся результатом взаимовлияния языков, которые сосуществуют в одном социальном пространстве, является ключом к их предотвращению» [Мирзоева, Ахметжанова 2019: 61].

Представляется, что в таком подходе объединяются разнородные явления: с одной стороны, действительно интерференционные ошибки и, с другой стороны, те явления, которые демонстрируют переключение или, точнее, смешение кода. Нельзя не назвать также аспект, который является, с нашей точки зрения, принципиально значимым, но лишь попутно отмечается в процитированной работе: «...ошибки могут вместе с тем носить характер осознанной языковой игры». Приводятся два примера: *саған рахметік* ‘спасибо тебе’, где русский суффикс встраивается в структуру казахского слова; *Я сегодня кезекшікала* (‘дежурила’) *весь день*, где казахское существительное *кезекші* ‘служба, дежурство’ получает русские морфологические характеристики времени и рода, превращаясь в глагол [Мирзоева, Ахметжанова 2019: 55]. Обращает на себя внимание комментарий авторов в связи с оценкой ошибок в сочетаемости слов из двух языков как препятствия к пониманию разными группами респондентов. Отмечается, что в группе с доминирующим казахским языком это чаще оценивается как препятствие (45%), а в группе с русским языком как доминантным процент ниже (13%). Большинство не оценивает ошибки как препятствия для коммуникации. Это связывается с более высоким уровнем владения русским языком реципиентами, которые позиционируют себя как носители казахского языка в сравнении с уровнем освоения казахского языка у преимущественно русскоязычных билингвов, знающих казахский. Высокий уровень владения русским языком у билингвов-казахов позволяет замечать тонкие семантические и прагматические связи, тогда как реципиенты из второй группы не осознают этих препятствий. В качестве примера в публикации приводится комический случай в очереди: женщина просит пропустить мужчину, мотивируя это так: *бұл менің жолдасым* ‘это мой муж’. Слово *жолдас* имеет также значение ‘товарищ’. Русскоязычная участница акта коммуникации отреагировала: *Ну, еще будем товарищей приводить* [Мирзоева, Ахметжанова 2019: 58–59].

Подход только с точки зрения языковой интерференции оставляет здесь без ответа вопрос, действительно ли пользователи языка задают смешение казахского и русского языков как возможное ироничное использование языка и языковую игру? Этот вопрос в процитированном исследовании остается на уровне интуитивного отношения. Вообще в современных исследованиях казахско-русского билингвизма недостаточно внимания уделено рефлексивному аспекту в речевой деятельности в условиях двуязычия, вопросу о том, как использующие язык люди относятся к переключению кода, как оценивают такую практику.

Привлекая внимание к рефлексивному уровню в двуязычии, мы не намерены свести все многообразие факторов, влияющих на речевое поведение человека в поликультурной среде, к одному объяснению. При этом выдвигание рефлексии в центр внимания создает новую, значимую перспективу, а именно дает точку доступа к изучению оценочных установок, пресуппозиций человека, стоящих за языковым выражением [Молодыхенко 2020; Чернявская 2020]. Смешение кода — это еще и динамический лингвистический ресурс, используемый поликультурной личностью как знак коллективной идентичности и принадлежности к особой социокультурному сообществу.

Данные анкетирования

Для качественного анализа данных разработана анкета, которая была выполнена в форме электронного вопросника при помощи Microsoft forms и распространена посредством электронной почты и социальных сетей. В анкету были включены как закрытые, в которых предлагались готовые варианты ответов, так и открытые вопросы, дающие возможность высказать собственное мнение. Опрос проходил в январе 2021 г. Для анализа были отобраны анкеты 50 респондентов разных возрастных категорий и социального статуса, проживающих в Казахстане длительное время, в основном с рождения. Обработка результатов была осуществлена в программе Excel, которая представила их виде процентного распределения данных. Полученные данные были также обработаны с помощью статистической программы Statistical Package for the Social Sciences/SPSS 20.0. Участие в опросе было добровольным, а ответы на вопросы носили анонимный характер.

Анкета состоит из нескольких блоков, которые направлены на выяснение необходимых для исследования вопросов. Первый блок вопросов нацелен на получение общей информации и связан с социально-демографической характеристикой респондентов: образование, возраст, национальность, социальный статус, родной язык. Респондентами выступали 50 человек с высшим образованием, в возрасте от 21 до 30 лет — 28 человек, от 31 года и выше — 22 человека. 50 % информантов продолжают свое обучение в магистратуре или докторантуре (многие из них имеют опыт работы), 24 % являются работниками сферы образования, 25 % — служащими, 1 % — не работают на данный момент (домохозяйки, пенсионеры). По этнической принадлежности 43 человека (86 % информантов) — казахи, 5 человек (10 %) — русские, 1 (2 %) — кореец, 1 (2 %) — татарка. Соответственно, 86 % респондентов назвали родным языком казахский, 10 % — русский, 2 % — корейский и 2 % — татарский.

Вторая группа вопросов была направлена на выявление лингвистического портрета респондентов. На основании самооценок респондентов выявлялся их уровень владения казахским и русским языками. Часть вопросов была направлена на выявление речевых практик в семье и за ее пределами (1. С кем вы, как правило, общаетесь на русском/казахском языке? 2. На каком языке — русском/казахском — вы в основном говорите в повседневной жизни? Почему? 3. На каком языке — казахском/русском — ваши друзья говорят с вами? Почему, по вашему мнению, они выбирают тот или иной язык в общении с вами?). Анализ ответов позволил охарактеризовать широту использования казахского и русского языков в разных коммуникативных сферах, в том числе в естественной, неподготовленной коммуникации. Для определения языковой компетенции в казахском и других языках была использована специальная методика, разработанная на основе Европейской системы уровней владения языками, где четко сформулированы критерии оценки (А — элементарное владение; В — самостоятельное владение, С — свободное владение), представленные в виде дескрипторов и характеризующие владение языком на шести уровнях. Как известно, степень владения языком, или языковую компетенцию, можно оценить по тому, как индивиды понимают, говорят, читают и пишут на том или ином языке. В соответствии с шестибальной системой оценок языковая компетенция фиксировалась по следующим параметрам:

- элементарное владение: понимаю разговорную речь, но не говорю и не пишу (A1); понимаю речь других и могу использовать простые фразы (A2);
- самостоятельное владение: говорю, читаю, но не пишу (B1); говорю, пишу и читаю с некоторыми затруднениями (B2);
- свободное владение: умею выражать свои мысли спонтанно, говорю бегло (C1); могу свободно писать или говорить на любую тему, с нюансами изложения и связной подачей (C2).

В рамках данного исследования мы фиксировали только те явления («яркие диагностирующие пятна»), которые являются наиболее характерными с точки зрения выделенных в современной лингвистике тенденций развития языкового сознания. Для определения объективности ответов дополнительно был задан вопрос о преобладании в сознании респондента одного языка над другим («Как вы оцениваете свое владение казахским и русским языками?»), для ответа на который надо было выбрать один из предложенных: владею обоими языками одинаково хорошо; знание обоих языков недостаточно; лучше владею казахским языком; лучше владею русским языком. Ответы на эти вопросы полностью согласуются с параметрами оценки языковой компетенции по представленным выше параметрам.

Проведенный анализ позволил выделить две основные группы респондентов. Первая (P1) — респонденты (21 человек), для которых родным, а также доминирующим языком, согласно вышеприведенным определениям, является казахский язык, русским они владеют на уровне B2–C1 согласно градации Европейского языкового портфеля. Для данной группы респондентов казахский язык является основным способом коммуникации, респонденты неплохо владеют устной формой коммуникации на русском языке, однако испытывают определенные трудности при создании письменных текстов на русском языке, делают ошибки при чтении.

Вторая группа (P2) — респонденты с высшим образованием (23 человека), позиционирующие себя как носители русского языка в качестве доминирующего (вне зависимости от национальной принадлежности), казахским языком представители данной группы владеют на уровне B1–B2. Для данной категории более комфортным является использование русского языка, языковая компетентность в казахском языке слабо выражена — более половины опрошенных респондентов понимают казахский язык, но не могут свободно объясняться либо писать на нем. Среди своих знакомых и родственников предпочитают общаться преимущественно на русском языке, чем на казахском, либо вообще такой альтернативы не обнаруживается, и они используют лишь русский язык для налаживания коммуникативных контактов. Предпочитают думать преимущественно на русском языке.

Следует отметить, что среди опрошенных были респонденты, указавшие на свободное владение казахским и русским (5 человек) на уровне C1.

Целью третьего блока вопросов было выявление отношения к смешению языков. В структуру анкеты включены среди прочего следующие основные вопросы:

- Вы когда-либо смешивали казахский и русский языки в устной речи? (Да/нет.) Если да, в каких ситуациях? Почему? Назовите причину. Если нет, почему?
- Вы обращаете внимание, что вы смешиваете казахский и русский языки? (Да/нет.) Если да, почему это происходит, по вашему мнению?

- Вы обращаете внимание на то, что другие люди смешивают в разговоре казахский и русский языки? (Да/нет.) Если да, почему это происходит, по вашему мнению?
- Вам нравится, что вы можете в общении с другими людьми смешивать казахский и русский язык? (Да/нет.) Если нет, почему?

В целях четкого понимания респондентами содержания понятия «смешение языков» к вопросу «Вы когда-нибудь смешивали казахский и русский языки в устной речи?» дана сноска с пояснением: «Используете ли вы казахские слова/выражения/предложения, когда говорите по-русски? / Используете ли вы русские слова/выражения/предложения, когда говорите по-казахски?»

Результаты анкетирования и интерпретация

На вопрос «С кем вы, как правило, общаетесь на казахском языке?» респонденты группы P1 ответили, что в подавляющем большинстве они общаются на казахском языке с родственниками (в домашней обстановке), с друзьями (68 %). Меньшее количество ответов (24 %) — с коллегами, со специалистами сферы обслуживания (в банке, магазинах, на почте и т. д.). Типичные ответы таковы:

Когда аудитория смешанная, воспринимающая и казахский и русский язык.

Русский и казахский уже так смешались в повседневной жизни, что сложно говорить только на казахском.

Когда говоришь чисто на казахском, такое ощущение, будто тебя понимают не на 100 %.

Казахоязычные коллеги и студенты, кто мало со мной знаком, переходят со мной на русский, потому что думают, что я татарка по национальности. Были случаи, что и обсуждали меня на казахском языке, думая, что я не понимаю.

78 % респондентов группы P2, наоборот, общаются на русском языке с друзьями, коллегами и в сфере обслуживания. В общении с родителями или родственниками чаще используется казахский язык («Почти со всеми, кроме домашних»).

Мне легче говорить на русском языке, да и обращаются ко мне больше всего на русском, даже казахоязычные. Семья, образование, друзья — все на русском языке. Но хотя сын больше говорит со мной на казахском языке, преследует цель: чтобы я улучшила свои знания, создает языковые условия.

13 респондентов (61 %) из группы P1 ответили, что в общении с ними друзья используют казахский язык, объясняя это прежде всего этнической принадлежностью («они казахи, так же, как и я») и тем, что казахский язык для них родной. 7 респондентов (33 %) назвали оба языка.

В группе P2 14 человек (63 % респондентов) указали на русский язык, 4 человека (16 %) на казахский и 5 человек (21 %) на оба языка.

В группе P2 ответы на вопрос «Почему они (друзья) используют в общении с вами русский язык?» были связаны с языковым окружением (48 %):

Такой у нас круг общения.

Потому что они, как и я, русскоязычные, что интересно, в основном это казахи.

Мои друзья выбирают русский язык в общении со мной, потому что они, как и я, выросли в русскоязычной среде.
У меня русское мышление.

Часть респондентов (37 %) в группе P2, позиционирующих себя как носителей русского языка в качестве доминирующего, объяснили использование русского языка с функциональной точки зрения: «удобно»; «легко»; «просто»; «привычно»; «проще выражать свои мысли»; «все его знают, поэтому понимают». Еще часть (10 %) связали с условием успешной коммуникации («для полного взаимопонимания»).

Анализ показал, что использование двух языков в разных коммуникативных ситуациях, выбор языка коммуникации и неоднократное переключение с одного языка на другой обусловлены рядом взаимодействующих между собой социальных и социокультурных факторов.

На вопрос «Вы когда-либо смешивали казахский и русский языки в устной речи?» подавляющее большинство респондентов обеих групп ответили утвердительно (P1 — 81 % и P2 — 74 %).

Полученные ответы, объясняющие, в каких ситуациях и почему смешиваются языки, были несколько разнородны. Мы сочли возможным условно разделить их на четыре группы.

Часть респондентов (31 %), называя причину смешения казахского и русского языков в устной речи, указали на нехватку словарного запаса:

Смешиваю, когда не хватает словарного запаса. Надо читать больше, но, к сожалению, лень побороть очень трудно, особенно после работы.

Когда не находишь подходящие слова для выражения всех мыслей на том или ином языке.

Когда я не смогла вспомнить какое-либо слово, я смешивала казахский с русским.

Когда забывал некоторые слова на каком-либо языке.

Вторая группа респондентов категории P1 (18 %) связывает смешение языков с тем, что так говорить удобнее, привычнее:

Почти всегда причина в том, что удобно смешивать.

Так удобнее и понятнее.

Я часто смешиваю языки, когда общаюсь с друзьями. Это привычка, наверное, с детства так разговариваю.

Такое же количество людей (13 %) ответили, что смешивают языки, чтобы быть понятыми:

Иногда смешиваю, чтобы точно передать свою мысль.

Чтобы объяснять свои мысли.

Потому что иногда не знаю, на каком языке донести свои мысли лучше, и смешиваю.

Обращают на себя внимание ответы, показывающие мотивацию переключения кодов. 11 % респондентов указали, что оно происходит не только механически, но и намеренно, осознанно:

Иногда я сознательно смешиваю языки, если слово или фраза из другого языка кажется мне наиболее точной.

Я могу это сделать с целью подтверждения или прояснения сказанного.

Чтобы быть ближе к данной аудитории.

Делаю это осознанно, но не считаю правильным.

Часть информантов (9 %) связывает смешение языков с обращенностью на собеседника и распознаванием его, собеседника, низкого уровня владения казахским или русским языком, ср.:

Смешиваю в спонтанной речи с русскоговорящими казахами из-за опасения, что [они] не понимают речь на казахском.

Если собеседник не понимает (плохо знает) казахский язык.

Когда русскоговорящие о чем-то просят.

В дружеской беседе использую иногда казахские слова или фразы, для того чтобы сблизиться с человеком. Этим самым можно выразить уважение и стремление к культуре.

Большая часть респондентов обеих групп обращают внимание на то, что они сами смешивают казахский и русский языки (77 и 75 %). Многие из информантов (54 % из группы P1 и 67 % из группы P2) ответили, что обращают внимание на то, что другие смешивают языки.

Результаты опроса выявили, что определенной части респондентов нравится, что они могут в общении с другими людьми смешивать казахский и русский языки (41 % из группы P1 и 43 % из группы P2). При этом часть респондентов, давших положительный ответ на этот вопрос, сопроводила его комментарием: «это, наверное, неправильно»; «это нехорошо»; «надо стараться говорить на казахском»; «звучит некрасиво», «надо работать над собой» и др. Таких людей оказалось 20 % из группы P1 и 28 % из группы P2.

Респондентов, не смешивающих казахский и русский языки в устной речи, в группах P1 и P2 оказалось соответственно 4 (19 %) и 6 (26 %). Основными причинами названы одинаково свободное владение двумя языками; сознательное нежелание смешивать языки.

В полученных результатах важно следующее. Во-первых, не выявлено резкого противопоставления практики смешения языков и нормативного употребления казахского и русского языков. Смешение кода не попадает в негативно-оценочный контекст как девиантная практика. И во-вторых, обращает на себя внимание готовность и способность объяснять использование смешения кода. Существенно, что смешанное использование казахских или русских слов внутри высказывания объясняется преимущественно дефицитом на лексическом уровне, нехваткой отдельных слов: переход на другой язык нужен как своего рода точка опоры для содействия устойчивой коммуникации и пониманию. Обращенность на смешение в своей речи и у других подтверждает развитость рефлексивной активности человека, который распознает и фиксирует различие между одним и другим языком. Метакоммуникативный комментарий, который дают опрашиваемые, свидетельствует об их обращенности на процесс коммуникации и на использование языка. Они оценивают свой выбор («это, наверное, неправильно» и др.), соотнося с су-

ществующими presupпозициями и представлениями о должном, правильном. Для большинства смешение кода является выражением собственной языковой и коммуникативной компетенции. На первый план выходит инструментальная функция смешения кода — это то средство, которое бикультурная и биязыковая личность использует для проявления себя в общем, разделяемом с другими культурном пространстве.

Выводы и перспектива исследования

Смешанный код воспринимается как устойчивый признак в практике казахско-русского и русско-казахского билингвизма в целом. Проведенный анализ показывает, что смешение не находится в однозначной, зафиксированной связи с высоким/невысоким образовательным уровнем, социальным или профессиональным статусом. Нельзя говорить об устойчивой привязке смешения казахского и русского языков и наличия социальных и культурных, образовательных барьеров. Смешение кода проявляется как динамический ресурс, вовлеченный в ситуацию и контекстно обусловленный. Это становится адекватным семиотическим ресурсом в билингвальной практике Казахстана. Проведенное исследование представляет один из аспектов изучения рефлексии в использовании языковых ресурсов. Оно показывает перспективу для дальнейшего детального изучения двуязычия в условиях полиэтничного и поликультурного государства. Представленные результаты отражают анкетирование респондентов с высшим образованием, относящихся к академической среде. Продолжение исследований и новые результаты связываются с объемом и детализацией контекстов, демонстрирующих смешение кода, и с привлечением большего количества респондентов с разным социальным, профессиональным статусом при анкетировании, интервьюировании. Социолингвистическая и дискурсивная проекция анализа и его результаты значимы в широком контексте для формирования внимательного отношения и сознательной обращенности к эффектам использования языка в социальном взаимодействии.

Литература

- Мирзоева, Ахметжанова 2019 — Мирзоева Л. Ю., Ахметжанова З. К. К вопросу об интерферентных ошибках как элементе языкового ландшафта в условиях субординативного полиязычия. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019, (60): 45–65.
- Молодыхенко 2020 — Молодыхенко Е. Н. Метасемиотические проекты и лайфстайл-медиа: дискурсивные механизмы превращения предметов потребления в ресурсы выражения идентичности. *Russian Journal of Linguistics*. 2020, 24 (1): 117–136.
- Молодыхенко, Чернявская 2022 — Молодыхенко Е. Н., Чернявская В. Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (1): 103–124.
- Мусин 1990 — Мусин И. Х. *Социолингвистические аспекты речевого поведения в условиях двуязычия*: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.
- Саина 2000 — Саина С. Т. Двуязычие и многоязычие в семейной жизни и в повседневном быту. В сб.: *Речевое общение в условиях языковой неоднородности*. Крысин Л. П. (отв. ред.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 60–75.
- Сулейменова и др. 2007 — Сулейменова Э. Д., Шаймерденова Н. Ж., Аканова Д. Х. *Языки народов Казахстана: социолингвистический справочник*. Астана: Арман-ПВ, 2007.

- Сулейменова 2010 — Сулейменова Э.Д. *Динамика языковой ситуации в Казахстане*. Астана: Арман-ПВ, 2010.
- Сулейменова и др. 2021 — Сулейменова Э.Д., Аканова Д.Х., Аймагамбетова М.М. Biz birgemiz, или Еще раз о диверсификации русского языка в Казахстане. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021, 12 (1): 7–22.
- Суюнова 1995 — Суюнова Г.С. *Речевое поведение казахов-билингвов*: дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1995.
- Хилханова, Папинова 2018 — Хилханова Э.В., Папинова Ж.Б. К вопросу о терминах переключение кодов, смешение кодов, вкрапления и критериях их разграничения. *Мир науки, культуры, образования*. 2018, 2 (69): 667–671.
- Чернявская 2020 — Чернявская В.Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (1): 135–147.
- Чернявская 2021 — Чернявская В.Е. Социальное значение в зеркале политической корректности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (2): 383–399.
- Акупова et al. 2014 — Акупова Д., Zharkynbekova S., Agmanova A., Kakzhanova S., Kuzar Z. Conversational aspect of code-switching: Using repair in EFL classrooms. *Journal of Language and Literature*. 2014, (3): 210–218.
- Bell 2016 — Bell A. Succeeding waves: Seeking sociolinguistic theory for the twenty-first century. In: *Sociolinguistics: Theoretical debates*. Coupland N. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 391–416.
- Berry 2005 — Berry J. W. Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*. 2005, 29 (6): 697–712.
- Blommaert, de Fina 2017 — Blommaert J., De Fina A. Chronotopic Identities: On the Timespace Organization of Who We Are. In: *Diversity and Super-diversity. Sociocultural Linguistic Perspectives*. De Fina A., Wegner J., Iikizoglu D. (eds). Georgetown: Georgetown University Press, 2017.
- Coupland, Jaworski 2009 — *The New Sociolinguistics Reader*. Coupland N., Jaworski A. (eds). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.
- Eckert 2018 — Eckert P. *Meaning and Linguistic Variation: The Third Wave in Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Fons van de Vijver et al. 2015 — Fons van de Vijver J. R., Blommaert J., Gkoumasi G., Stogianni M. On the need to broaden the concept of ethnic identity. *International Journal of Intercultural Relations*. 2015, (46): 36–46.
- Ho, Woon 2007 — Ho J., Woon Y. Code-mixing: Linguistic form and socio-cultural meaning. *The International Journal of Language Society and Culture*. 2007, (21): 1–8.
- Jacobson 1998 — Jacobson R. *Code switching worldwide*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.
- Martinez 2013 — Martinez R. A. Reading the world in Spanglish: Hybrid language practices and ideological contestation in a sixth-grade English language arts classroom. *Linguistics and Education*. 2013, 24 (3): 276–288.
- Muysken 2000 — Muysken P. *Bilingual Speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Woolard 2004 — Woolard K. Codeswitching. In: *A companion to linguistic anthropology*. A. Duranti (ed.). Blackwell, Malden, 2004. P. 73–94.
- Zharkynbekova et al. 2015 — Zharkynbekova Sh., Aimoldina A., Akynova D. Cultural and language self-identification of ethnic minority groups in Kazakhstan. *Sociolinguistic Studies*. 2015, (9): 289–313.

Статья поступила в редакцию 19 апреля 2022 г.
Статья рекомендована к печати 12 сентября 2022 г.

Sholpan K. Zharkynbekova

L. N. Gumilyov Eurasian National University,
2, Satpayeva ul., Astana, 010000, Kazakhstan
zharkyn.sh.k@gmail.com

Valeria E. Chernyavskaya

Peter the Great St Petersburg Polytechnic University,
29, Politekhnicheskaya ul., St Petersburg, 195251, Russia
tcherniavskaya@rambler.ru

Kazakh-Russian code mixing in metacommunicative perspective*

For citation: Zharkynbekova Sh. K., Chernyavskaya V.E. Kazakh-Russian code mixing in metacommunicative perspective. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, 19 (4): 780–798. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.408> (In Russian)

The present study focuses on the ethnic bilingualism in Kazakhstan and the code-mixing as a special form of the Kazakh-Russian and Russian-Kazakh bilingualism. The bi- and multilingualism in Kazakhstan is caused by its long standing multiethnicity. Thus, the socio-cultural context in Kazakhstan provides a special angle on the issue of bilingualism and code mixing and differs from bilingual and code-mixed practices caused by active migration processes in the 20th century. The study, first, presents the main outcomes of the sociolinguistics and its new frameworks and methodological applications. Second, the paper analyzes the traditional approaches to Kazakh-Russian bilingualism and the factors that influence the Kazakhs and Russians in using code mixing. The suggested study is guided by the following research question: how consciously and intentionally proceeds the switching between the in the Kazakh and Russian languages and how the hybrid practice is evaluated by the participants of communication. In the questionnaire design the quantitative perspective on research questions asked (where? when?) was extended by its qualitative perspective (how? why?). We demonstrate that there are no fixed ties between educational level of the speakers and their linguistic competence and the language mixed practice, that is not to be labelled in pejorative terms as linguistic errors. In this analysis we show the code-mixing not as interference mistakes as influenced by Russian language and culture, presupposed by low language competence of the speakers, but as a dynamic resource and linguistic choice in the interactional communication.

Keywords: Kazakh-Russian bilingualism, Russian-Kazakh bilingualism, sociolinguistics third wave, code mixing, metacommunication.

References

- Мирзоева, Ахметжанова 2019 — Mirzoyeva L., Akhmetzhanova Z. K. Interference Errors in the Frame of Subordinate Multilingualism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2019, (60): 45–65. (In Russian)
- Молодыхенко 2020 — Molodychenko E. N. Metasemiotic Projects and Lifestyle Media: Formulating Commodities as Resources for Identity Enactment. *Russian Journal of Linguistics*. 2020, 24 (1): 117–136. (In Russian)
- Молодыхенко, Чернявская 2022 — Molodychenko E. N., Chernyavskaya V. E. Representing the Social through Language: Theory and Practice of Sociolinguistics and Discourse Analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, 19 (1): 103–124. (In Russian)

* The study was financially supported by the grant of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan AP14869030 “Mechanisms for the formation of the collective identity of Kazakhstani youth: sociolinguistic and discursive approaches”.

- Мусин 1990 — Musin I. H. *Sociolinguistic aspects of speech behaviour in bilingualism*. Thesis for D. Sci. in Philological Sciences. Moscow, 1990. (In Russian)
- Саина 2000 — Saina S. T. Bi- and Multilingualism in everyday life. *Speech practices in multilingualisms*. Moscow: Editorial URSS Publ., 2000. P. 60–75. (In Russian)
- Сулейменова и др. 2007 — Suleimenova E. D., Shaimerdenova N. Z., Akanova D. H. *Languages in Kazakhstan: Socio-linguistic Reader*. Astana: Arman-PV Publ., 2007. (In Russian)
- Сулейменова 2010 — Suleimenova E. D. *Dynamics of Language Situation in Kazakhstan*. Astana: Arman-PV Publ., 2010. (In Russian)
- Сулейменова и др. 2021 — Suleimenova E. D., Akanova D. Kh., Aimagambetova M. M. Biz birgemiz, or Revisiting the Diversification of Russian Language in Kazakhstan. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*. 2021, 12 (1): 7–22. (In Russian)
- Суюнова 1995 — Sujunova G. S. *Speech behaviour of bilingual kazakhs*. Thesis for PhD in Philological Sciences. Almaty, 1995. (In Russian)
- Хилханова, Папинова 2018 — Hilhanova E. V., Papinova Z. B. To the question of the terms code switching, code mixing, interspersing and delimitation criteria. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniia*. 2018, 2 (69): 667–671. (In Russian)
- Чернявская 2020 — Chernyavskaya V. E. Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 1 (17): 135–147. (In Russian)
- Чернявская 2021 — Chernyavskaya V. E. Social meaning in the mirror of political correctness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 2 (18): 383–399. (In Russian)
- Акупова et al. 2014 — Akynova D., Zharkynbekova S., Agmanova A., Kakzhanova S., Kuzar Z. Conversational aspect of code-switching: Using repair in EFL classrooms. *Journal of Language and Literature*. 2014, (3): 210–218.
- Bell 2016 — Bell A. Succeeding waves: Seeking sociolinguistic theory for the twenty-first century. In: *Sociolinguistics: Theoretical debates*. Coupland N. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 391–416.
- Berry 2005 — Berry J. W. Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*. 2005, 29 (6): 697–712.
- Blommaert, de Fina 2017 — Blommaert J., De Fina A. Chronotopic Identities: On the Timespace Organization of Who We Are. In: *Diversity and Super-diversity. Sociocultural Linguistic Perspectives*. De Fina A., Wegner J., Ikizoglu D. (eds). Georgetown: Georgetown University Press, 2017.
- Coupland, Jaworski 2009 — *The New Sociolinguistics Reader*. Coupland N., Jaworski A. (eds). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.
- Eckert 2018 — Eckert P. *Meaning and Linguistic Variation: The Third Wave in Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Fons van de Vijver et al. 2015 — Fons van de Vijver J. R., Blommaert J., Gkoumasi G., Stogianni M. On the need to broaden the concept of ethnic identity. *International Journal of Intercultural Relations*. 2015, (46): 36–46.
- Ho, Woon 2007 — Ho J., Woon Y. Code-mixing: Linguistic form and socio-cultural meaning. *The International Journal of Language Society and Culture*. 2007, (21): 1–8.
- Jacobson 1998 — Jacobson R. *Code switching worldwide*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.
- Martinez 2013 — Martinez R. A. Reading the world in Spanglish: Hybrid language practices and ideological contestation in a sixth-grade English language arts classroom. *Linguistics and Education*. 2013, 24 (3): 276–288.
- Muysken 2000 — Muysken P. *Bilingual Speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Woolard 2004 — Woolard K. Codeswitching. In: *A companion to linguistic anthropology*. A. Duranti (ed.). Blackwell, Malden, 2004. P. 73–94.
- Zharkynbekova et al. 2015 — Zharkynbekova Sh., Aimoldina A., Akynova D. Cultural and language self-identification of ethnic minority groups in Kazakhstan. *Sociolinguistic Studies*. 2015, (9): 289–313.

Received: April 19, 2022

Accepted: September 12, 2022